

Вопросы истории. 1976, № 5 Арш Григорий Львович

ИОАНН КАПОДИСТРИЯ В РОССИИ

В 1976 г. исполнилось 200 лет со дня рождения видного государственного и политического деятеля Греции, первого ее президента Иоанна Каподистрии. Вся жизнь его неразрывно связана со справедливой борьбой населения Ионических островов за национальные права, с борьбой против английского полуколонизаторского ига¹, с историей греческого национально-освободительного движения первой трети XIX века. 13 лет, с 1809 по 1822 г., Каподистрия провел в России, где играл важную роль в государственной и общественной жизни. Об этой малоизученной странице *русско-греческих связей и пойдет речь в данной статье*².

Но сначала несколько слов о предшествующем жизненном пути И. Каподистрии. Он родился 31 января (11 февраля) 1776 г. на острове Корфу в семье, принадлежавшей к старинному аристократическому роду, который вел свою историю с XIV века. В 1794 г. Каподистрия поступил в университет в Падуе, где, как правило, получали образование дети ионической знати. В Падуе и других городах Италии Каподистрия около четырех лет изучал медицину и одновременно слушал курсы по политическим наукам, праву и философии. Студенческие годы Каподистрии проходили в бурное для Италии время, когда идеи Французской буржуазной революции вызвали всеобщее брожение умов и под ударами республиканской армии Франции зашаталась многие европейские феодальные режимы. События эти оказали самое непосредственное влияние и на судьбы родины Каподистрии. По Кампоформийскому миру 1797 г. Ионические острова были переданы Франции.

¹ Ионические острова были переданы под власть Великобритании в 1815 году.

² Пребывание И. Каподистрии в России в той или иной степени освещается в работах В. А. Теплова. Граф Иоанн Каподистрия, президент Греции СПб 1893; S. Lascaris. Capodistrias avant la revolution grecque. Lausanne 1918; P. Kennedy Grimsted. The Foreign Ministers of Alexander I. Berkeley and Los Angeles 1969; C. Woodhouse. Capodistria The Founder of Greek Independence. L. 1973. Однако они страдают многими пробелами и неточностями. В этих работах почти не затрагивается вопрос об общественных связях Каподистрии в России. В них не использованы (кроме книги П. Кеннеди Гримстед) документы советских архивов. В ряде архивов Москвы и Ленинграда хранятся обширные материалы, имеющие первостепенную важность для изучения деятельности Каподистрии в России. В последние годы некоторые из этих документов увидели свет (см., в частности, «Внешняя политика России XIX и начала XX века» (далее — ВПР). Серия первая, 1801—1815 гг. Тт VII—VIII; серия вторая, 1815—1830 гг. Тт I(IX). М. 1970—1974). Ценные сведения о русском периоде деятельности Каподистрии содержит его записка, опубликованная в 1868 г. («Записка графа Иоанна Каподистрии о его служебной деятельности» «Сборник Русского исторического общества» (далее — РИО). Т. 3. СПб. 1868). Следует, однако, иметь в виду, что записка эта была написана в 1826 г., то есть через 4 года после отъезда Каподистрии из России, и предназначалась для Николая I. Важным источником о пребывании И. Каподистрии в России является его переписка за 1809—1820 гг. с отцом А. Каподистрией, недавно опубликованная профессором Венского университета П. Энепекидисом (P. Enepkidis. Ioannis Capodistrias 176 anekdota ggraphmata pros ton patera tou. Athinae 1972, см. также Г. Л. Арш. Публикация неизвестных писем И. Каподистрии «История СССР», 1975, № 1).

Вернувшись на родину, Каподистрия занялся врачебной практикой, но вскоре целиком посвятил себя политической деятельности. В это время на островах происходили острые внутренние столкновения, усугублявшиеся борьбой за господство над ними великих держав. В начале 1799 г. русско-турецкая эскадра Ф. Ушакова изгнала с островов французов. В соответствии с заключенной 21 марта (1 апреля) 1800 г. между Россией и Турцией конвенцией из бывших венецианских владений в Ионическом море была создана Республика Семи Соединенных островов. Каподистрия стал активным деятелем этого первого в новой истории самостоятельного греческого государства³. В 1803—1806 гг. он занимал должность государственного секретаря республики. Здесь Каподистрия получил первые практические уроки дипломатии. Для него, как и для некоторых других известных в будущем деятелей независимой Греции, островная республика стала и школой патриотического воспитания. Тогда же у Каподистрии сложилось убеждение, которому он оставался верен всю жизнь, что для улучшения участи Греции и ее окончательного освобождения необходимо опираться на Россию. Как один из руководителей Ионической республики Каподистрия тесно сотрудничал с полномочным представителем Александра I при республике Г. Д. Моцениго.

Взгляды и деятельность молодого политика не остались незамеченными в Петербурге. 3(15) марта 1804 г. Александр I подписал указ о пожаловании государственного секретаря Республики Семи Соединенных островов И. Каподистрии, «отличившегося усердием своим к делу общему при образовании оной республики под руководством полномочного нашего действительного статского советника Моцениго», чинном коллежского советника⁴. Когда же, по Тильзитскому договору, Ионические острова были переданы Франции, и Республика Семи Соединенных островов прекратила свое существование, Каподистрия получил приглашение поступить на русскую службу. Соответствующее официальное письмо было подписано министром иностранных дел России Н. П. Румянцевым 15(27) мая 1808 года⁵. Каподистрия 22 июля (3 августа) 1808 г. выехал с Корфу⁶ и провел в дороге около пяти месяцев. В Петербург он приехал 17(29) января 1809 года.

С прибытием в Россию начался новый, очень важный этап в жизни Каподистрии. Пройдет немного лет, и он станет влиятельным министром, одним из ближайших доверенных лиц царя и приобретет благодаря этому огромный вес и авторитет в греческом обществе. Но в первые годы пребывания в России ничто не предвещало для него столь блестящей карьеры. Все стремления бывшего ионического политика были направлены на то, чтобы получить такое место на русской дипломатической службе, которое снова приблизило бы его к родине и семье. Он просил Н. П. Румянцева, чтобы его назначили или министром-резидентом в Милан (тогдашнюю столицу Итальянского королевства) или в Молдавию и Валахию «для трудов преимущественно по части статистики, торговли и наук». Но просьба Каподистрии не была удовлетворена 20 апреля (2 мая) 1809 г. бывший государственный секретарь Республики Семи Соединенных островов был причислен в чине статского советника к коллегии иностранных дел без какой-либо определенной должности⁷. Н. П. Румянцев эпизодически поручал Каподистрии составление различ-

ных записок, главным образом по вопросам восточной политики России и положения на Балканах и в Средиземноморье. Эта работа оставляла Каподистрии достаточно свободного времени, которое он использовал для самообразования.

В первые годы пребывания в Петербурге Каподистрия вел уединенный образ жизни⁸. Среди греческих и молдавских семейств, которые Каподистрия посещал в 1809—1811 гг., следует прежде всего назвать дома Стурдзы и Комнено. Молдавский боярин Скарлат Стурдза переселился в Россию после Ясского мира. По женской линии семья эта была связана с известной фанариотской семьей Мурузи. Так же обстояло дело и с родственной ей семьей Комнено (М. А. Комнено была урожденной Мурузи). В семье Стурдзы Каподистрия особенно был близок с Александром Стурдзой, так же, как и он, поступившим в 1809 г. на службу в министерство иностранных дел России, и с его сестрой Роксандрой (впоследствии графиней Эдлинг) — фрейлиной императрицы Елизаветы Алексеевны. В этих же домах бывал и совсем еще тогда юный Александр Ипсиланти, греческий патриот, находившийся на русской службе, с которым Каподистрия познакомился и подружился⁹. В этом кругу Каподистрия мог давать волю своим патриотическим чувствам. Он усиленно старался внедрить среди своих знакомых новогреческий язык вместо широко употреблявшихся тогда в образованном греческом обществе французского и итальянского¹⁰. Петербургский климат, вынужденное безделье, материальные трудности отразились на здоровье Каподистрии, и в августе 1811 г. он добился назначения секретарем сверх штата русского посольства в Вене, куда прибыл в начале октября того же года.

Первые шаги Каподистрии на новом служебном поприще осложнялись натянутыми отношениями с начальством. Русский посол в Вене граф Г. О. Штакельберг, по словам Каподистрии, принял его «более чем холодно»¹¹. Это объяснялось, по-видимому, подозрениями, возникшими у посла, что его вновь назначенный сверхштатный секретарь имеет поручение от канцлера следить за ним. Однако данные опасения, как вскоре убедился Штакельберг, не имели оснований. Трудолюбие, служебное рвение Каподистрии, большие знания и способности завоевали ему вскоре расположение посла, который стал доверять своему новому подчиненному. Но сам Каподистрия сразу же после своего прибытия в Вену оказался объектом слежки со стороны австрийской полиции. Вена была в то время одним из важных центров греческой эмиграции в Европе. Преуспевающее, по преимуществу торговое, греческое население Вены отличалось своей патриотической деятельностью, протекавшей под бдительным надзором австрийской полиции. Прибытие бывшего государственного секретаря Ионической республики на службу в русское посольство в Вену вызвало подозрения К. Меттернича. 11 октября 1811 г. он дал указание министру полиции Хагеру тщательно следить за всеми действиями Каподистрии и особенно за его связями с греками Вены¹². Это распоряжение стало первым актом той тайной войны, которую австрийский министр в течение 20 лет вел против Каподистрии.

В донесениях Меттернику от 27 октября и 14 ноября 1811 г. Хагер сообщал о результатах наблюдения своих тайных агентов. По его данным, главная задача, которая была поручена Каподистрии, состояла

³ Об ионическом периоде его политической деятельности см. S. Loukatou O Ioannis Kapodistrias kai Eptanisos Politia Athina 1959. E. Koukko O Kapodistrias kai i paideia 1803—1822 Athina 1958, s. 1—15, Th. Makri O Ioannis Kapodistrias kai i prokivernitiki patriotiki tou drasis Kerkira. 1964.

⁴ «Записка графа Иоанна Каподистрии», стр. 293.

⁵ «Послужной список тайного советника графа Каподистрии» Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Главный архив, IV—45, д. 581, л. 3.

⁶ P. Eperkidī Op. cit., s. 115.

⁷ «Записка графа Иоанна Каподистрии», стр. 169, 293—294; «Послужной список тайного советника графа Каподистрии», л. 3.

⁸ «Записка графа Иоанна Каподистрии», стр. 169.

⁹ Несколькое позднее, находясь уже в Вене, Каподистрия в письме к М. А. Комнено 18 октября 1811 г. просил напомнить о себе «дорогому Ипсиланти» Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина Отдел рукописей (далее — ОР ГБЛ), ф. 218, п. 138, л. 15 (листы не пронумерованы).

¹⁰ См. Г. Л. Арш. Этеристское движение в России М. 1970, стр. 161.

¹¹ «Записка графа Иоанна Каподистрии», стр. 170.

¹² P. Eperkidī. Rigas—Ipsilantis—Kapodistrias Athina. 1965, s. 177.

в содействии развитию торговых связей России с другими странами. В то же время, продолжал министр полиции, «не вызывает сомнений, что, помимо главной роли, Каподистрия предназначается также для того, чтобы привлечь на сторону России и организовать в духе русской политики греков Вены. Это вытекает и из результатов наших расследований, согласно которым он связан с некоторыми богатыми греческими домами, имеющими разветвленную сеть, через которые Каподистрия не только в состоянии оказывать влияние на других, но и собирать с их помощью информацию политического характера из многих мест»¹³. Служебная деятельность Каподистрии в австрийской столице во многом подтверждает наблюдения австрийской полиции. Каподистрия использовал контакты с греческими купцами Вены (имевшими своих клиентов повсюду в Австрии и Османской империи) при составлении сводок текущих новостей¹⁴ и ряда записок о положении в Юго-Восточной Европе в связи с военно-политическими планами России, в том числе «Записки о состоянии греков», приложенной к донесению Г. О. Штапельберга Н. П. Румянцеву от 7 декабря 1811 года¹⁵.

Кардинальные вопросы политической стратегии России в Юго-Восточной Европе рассматривались Каподистрией в «Записке о диверсии, которую следует предпринять на юге Европы в случае войны между Россией и Францией»¹⁶. Если Наполеон нападет на Россию, то предполагалось начать военные операции на суше — против Иллирийских провинций и на море — в Адриатике, с последующим перенесением их на территорию Италии. Необходимым условием осуществления этих операций Каподистрия считал содействие Турции. Для того, чтобы завоевать доверие Порты, он предлагал возвратить ей Молдавию и Валахию и не добиваться пока окончательного решения сербского вопроса. В случае нежелания Порты пойти на мир и союз с Россией, чтобы оказать на нее давление, следовало организовать войско из болгар и других славян и послать в Средиземное море русские эскадры. Если же и это не произведет желаемого эффекта, Каподистрия предлагал поднять восстание в Европейской Турции. Нависшая угроза нападения Наполеона побуждала царское правительство искать пути скорейшего завершения русско-турецкой войны и использования сил балканских народов в предстоявшей грандиозной борьбе. На записки из Вены в Петербурге обратили внимание, и они помогли Каподистрии сделать важный шаг в его служебной карьере.

6 (18) апреля 1812 г. главнокомандующим Дунайской армией был назначен адмирал П. В. Чичагов. В инструкции, полученной им от Александра I, основной задачей ставилось быстрое заключение мира с Турцией¹⁷. Обращает на себя внимание, что средства, рекомендованные царем для достижения этой цели, во многом совпадали с предложениями, содержащимися в записках Каподистрии. Сам адмирал также заинтересовался этими записками. Еще в Петербурге он познакомился с их автором¹⁸. Формируя свой штаб, новый командующий избрал Каподистирию на должность заведующего своей дипломатической канцелярией. В конце апреля 1812 г. Каподистрия получил депешу от Румянцева с указанием немедленно отправиться в Бухарест¹⁹. Через несколько дней он выехал из Вены.

¹³ Ibid., s. 178—179.

¹⁴ См., например, АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 11618, л. 239.

¹⁵ Публикацию ее см. Г. Л. Арш «Записка о нынешнем состоянии греков» (1811 г.) Каподистрии // «Славянские балканские исследования». М. 1972.

¹⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1811 г., д. 11607, лл. 299—311.

¹⁷ ВПР, т. VI, М. 1962, стр. 363—365.

¹⁸ О контактах И. Каподистрии с П. В. Чичаговым в Петербурге см. Р. Еперикиди Ioannis Kapodistrias, s. 61, 67, 104.

¹⁹ А. С. Стурдза-Воспоминания о жизни и деяниях графа И. А. Каподистрии, правителя Греции // «Чтения в Обществе истории и древностей российских». Кн. 2. М. 1864, стр. 27; «Mémoires inédites de l'amiral Tchitchagoff». В. 1855, p. 16; АВПР, ф. Главный архив, ЦД-5, 1812 г., д. 26, л. 1, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 11619, лл. 376—377.

Отправляясь в штаб-квартиру Дунайской армии, Каподистрия не знал ни своих новых обязанностей, ни своего будущего начальника (назначение П. В. Чичагова держалось пока в тайне). Тем не менее со свойственной ему энергией и инициативностью он использовал поездку к новому месту назначения для сбора сведений и установления политических контактов. Описание этой поездки содержится в подробном отчете, представленном им П. В. Чичагову по прибытии в Бухарест. «Для того, чтобы добраться из Вены до Бухареста,— писал Каподистрия,— я избрал маршрут, проходящий через Венгрию, Банат и Трансильванию. У меня было желание осмотреть этот край и я сожалею, что не был снабжен инструкциями и средствами, необходимыми для того, чтобы растянуть это путешествие». Учитывая интерес, который представляет состояние этого края в момент, когда Австрия, связанная формально союзом с Наполеоном, готовилась к войне с Россией, Каподистрия, по его словам, «занимался тем, чтобы, насколько это было для меня возможно, выяснить, каково состояние общественного мнения в классе греческих купцов, которым я был рекомендован греческими купцами Вены», а также мнение об этой войне «не менее важного класса, который составляют начальники почтовых станций и таможенные чиновники». Греческие купцы в этом случае не преминули дать заверения в своей преданности России. Каподистрия старался укрепить их в этих настроениях. Успеха русскому оружию, по его мнению, желали и землевладельцы Трансильвании. Что же касается начальников почтовых станций и таможенников, то среди них Каподистрия нашел четырех, которые прямо предложили свои услуги России. Их, как полагал он, можно было использовать для сношения «с более важными людьми»²⁰.

Каподистрия приехал в Бухарест в конце мая 1812 г. и приступил к заведению дипломатической канцелярии. Ко времени прибытия П. В. Чичагова в Бухарест переговоры с Турцией были завершены. М. И. Кутузовым и 16 (28) мая 1812 г. подписан Бухарестский мирный договор. Таким образом, одна из важнейших задач русской политики по созданию благоприятных внешнеполитических условий для отражения нашествия Наполеона была решена. Однако в силу оставались правительственные инструкции П. В. Чичагову об организации больших военных операций на юго-востоке Европы для того, чтобы отвлечь и ослабить силы противников России. Важнейшим средством достижения этой цели правительство считало заключение наступательного и оборонительного союза с Портой при одновременном установлении тесных контактов с различными политическими силами внутри Османской и Австрийской империй. Практически всеми этими делами занималась дипломатическая канцелярия Дунайской армии, которую и возглавил Каподистрия.

Накануне и в первые месяцы Отечественной войны 1812 г. канцелярия эта фактически выполняла функции ближневосточного и балканского отделов министерства иностранных дел России. Через нее проходила вся переписка с вновь назначенным посланником в Константинополе А. Я. Италианским, который непосредственно получал указания от П. В. Чичагова. Регулярно поддерживалась также связь с митрополитом Черногории Петром Негошем, воеводой сербов Карагеоргием, русским посольством в Вене и консулами на Балканах. Небольшой штат сотрудников дипломатической канцелярии под руководством Каподистрии готовил для главнокомандующего необходимые материалы и бумаги. Но Каподистрия не ограничивался ролью простого исполнителя. Его изобретательный ум был направлен на изыскание способов, которые должны были обеспечить успех планируемых военно-политических акций в Южной Европе. Им был задуман, в частности, любопытный план пси-

²⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 2001, лл. 2—4.

хологической операции, которая должна была предшествовать и обеспечить успех «диверсии» против южного фланга армии Наполеона. План этот был изложен в докладной записке Чичагову от 25 мая (6 июня) 1812 года²¹.

По мнению Каподистрии, важно было создать видимость того, что русско-турецкий союз уже существует и Дунайская армия готовится к выступлению. Чтобы Наполеон поверил в реальность угрозы с юга, «нужно сделать это непроницаемым секретом и одновременно дать возмущающую уверенность в том, что раскрыт план операций, который Ваше превосходительство собирается привести в исполнение». Главнокомандующий должен приказать офицерам своего штаба подготовить для него планы и другие материалы для будущих военных операций. Все это должно делаться в глубокой тайне. Но секрет, по словам Каподистрии, не существует, когда несколько человек в него посвящены. Он будет распространяться, в частности, через французских и пьемонтских офицеров, служащих в Дунайской армии, а также путем хорошо организованной переписки с Веней. «При помощи этих косвенных средств,— писал в заключение Каподистрия,— можно создать общественное мнение, убедить Наполеона, что союз заключен, получить, быть может, турок, усыпить австрийский двор, внушить доверие народам, ожидающим своего спасения от России, и подготовить величайший успех большим операциям, которые поручены Вашему превосходительству».

Однако к осуществлению этих операций, успеху которых Каподистрия готов был содействовать, используя все свои знания и связи, так и не приступили. С началом Отечественной войны 1812 г. план адриатической экспедиции претерпел сначала существенные изменения, а затем и вовсе был отменен²². 19 (31) июля 1812 г. армия П. В. Чичагова выступила из княжеств. Она получила задачу прикрывать юго-западные районы России и действовать на коммуникациях войск Наполеона, продвигавшихся к Москве. Вместе с армией Каподистрия проделал тысячеверстный путь от Дуная до Березины. А. С. Стурдза, также служивший в дипломатической канцелярии П. В. Чичагова, рассказывает, что в ноябре 1812 г. он вместе с Каподистрией стал свидетелем сражения на Березине, довершившего разгром «Великой армии»²³. Каподистрия также находился вместе с русскими войсками, когда они стремительно преследовали ее остатки от Березины до Немана.

После очищения от врага территории России Дунайская армия (теперь она называлась 3-й) продолжала операции в Польше. Здесь, во время осады Торуня, Каподистрия познакомился с генералом М. Б. Барклай-де-Толли, в феврале 1813 г. назначенным командующим армией вместо П. В. Чичагова. По словам биографа Каподистрии, Барклай-де-Толли «химел особенное к нему уважение»²⁴. Каподистрия сохранил свое место при Барклае-де-Толли и тогда, когда тот был назначен главнокомандующим союзной русско-прусской армией.

Героическая эпопея 1812 г., участником которой Каподистрия довелось быть, оставила глубокий след в его сознании. Проявив огромные силы и могущество России, события Отечественной войны еще более укрепили убеждение Каподистрии в том, что только опора на эту державу позволит улучшить участь греков и других балканских народов, страдавших под жестоким игом Порты. В своей практической деятельно-

сти он стремился поддержать и упрочить традиционные узы, соединявшие православное население Османской империи с Россией. Когда Дунайская армия находилась уже в глубине России, ее дипломатическая канцелярия не прекращала своих сношений с Балканами. Через посольство в Константинополе и доверенных агентов распространялись сообщения о ходе военных действий и успехах русского оружия. Все это имело большое значение с точки зрения сохранения русского влияния на Балканах после Бухарестского мира. Вынужденный для России, этот мир не обеспечил в достаточной степени права сербов — союзников России в войне 1806—1812 годов. Воспользовавшись тем, что Россия была занята борьбой с Наполеоном, Порты летом 1813 г. начала военные операции с целью восстановления своего господства над Сербией. Каподистрия постарался привлечь к этим событиям внимание царского правительства и побудил его предпринять меармш в защиту сербов. Как греческий патриот, он хорошо понимал взаимосвязь судеб Сербии, Греции и других балканских стран²⁵.

Тем временем русские войска продвигались в глубь Европы. Наполеоновскому владычеству над европейскими народами приходил конец. Однако процесс этот протекал в сложных условиях. Воспользовавшись тем, что войну против Наполеона вели реакционные монархи, во многих странах подняли голову феодально-абсолютистские элементы, стремившиеся полностью уничтожить результаты Французской буржуазной революции. Возникли новые и новые политические проблемы. Одной из них стала швейцарская. В конце 1813 г. армии союзников приблизились к границам Франции. В предстоящих военных операциях для союзных держав важно было обеспечить содействие или хотя бы нейтралитет Швейцарии. В самой Швейцарии резко обострилась внутриполитическая борьба. Бернская аристократия пыталась ликвидировать новые кантоны, возникшие после Французской буржуазной революции, и восстановить полностью свои бывшие привилегии. Претензии бернской аристократии тайно поддерживал австрийский двор. Что касается Александра I (на позицию которого в швейцарских делах воздействовал его наставник Ф. Лагарп), то он выступал за признание существующей политической структуры страны.

Для ведения переговоров со швейцарскими властями Россия и Австрия решили послать своих уполномоченных. Выбор царя пал на Каподистрию, с которым он близко познакомился во время кампании в Германии. Получив все необходимые инструкции, Каподистрия отправился в ноябре 1813 г. в Швейцарию под видом путешественника. Успешно выполнив официальное поручение, он попутно выступил в роли посредника во внутриполитической борьбе в Швейцарии²⁶. После осуществления своей чрезвычайной миссии Каподистрия еще около полугода провел в Швейцарии в качестве посланника России.

К весне 1814 г. наполеоновское господство в Европе было сокрушено. Победители готовились заняться послевоенным переустройством континента. В лагере союзников развернулась скрытая, но острая дипломатическая борьба. Решающее влияние на европейские дела оспаривали друг у друга Россия и действовавшие в тесном союзе Австрия и Англия. Незадолго до Венского конгресса, когда Каподистрия находился еще в Швейцарии, Александр I сказал как-то Р. Стурдзе в доверительной беседе: «Он там не останется; у нас будет много дела в Вене; у меня же нет человека, достаточно сильного для борьбы с Меттернихом, и я думаю

²¹ Там же, лл. 5—8.

²² См. Н. И. Казаков. Проект привлечения народов Балканского полуострова к борьбе против наполеоновской агрессии в 1812 году. «1812 год. К столетию Отечественной войны». М. 1962, стр. 58—61.

²³ А. С. Стурдза. Указ соч., стр. 38—42.

²⁴ Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей (далее — ОР ГПБ), ф. 250, д. 105, л. 6.

²⁵ См. Г. Л. Арш. Балканские горизонты и проекты И. Каподистрии накануне революции 1821 г. «III Международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы». Доклады и сообщения советской делегации. М. 1974.

²⁶ Отдавая дань проявленной им тогда объективности и в знак благодарности за защиту интересов Швейцарии на Венском конгрессе, кантоны Женевы, Во и Лозанна избрали Каподистрию своим почетным гражданином (Е. Кошкоч. Op. cit., s. 26).

приблизить его к себе»²⁷ В октябре 1814 г Каподистрия по указанию царя прибыл в Вену. Формально он не входил в число уполномоченных России на Венском конгрессе (ими были А. К. Разумовский, К. В. Нессельроде и Г. О. Штакельберг). Фактически же наиболее сложные и ответственные дела поручались именно ему. По словам А. Васильчикова, «когда скоро граф Каподистрия прибыл в Вену, он вполне взял в руки ведение переговоров, относясь всегда при этом как подчиненный к первому уполномоченному графу Андрею Кирилловичу Разумовскому»²⁸.

На протяжении девяти месяцев работы Венского конгресса Каподистрия (имея столь серьезных противников, как Меттерних, Талейран и Каслри) с большим искусством содействовал осуществлению намеченной Александром I программы послевоенного устройства Европы. Общим стремлением монархических правителей, собравшихся в Вене, было уничтожение результатов Французской буржуазной революции и национально-освободительных движений и реставрация феодально-абсолютистских порядков. Каподистрия был одним из немногих участников Венского конгресса, кто осуждал (правда, в частном порядке) действия феодально-монархической реакции. В октябре 1814 г, согласно донесению агента тайной австрийской полиции, он высказывался следующим образом: «Забыли, что эту войну вели не монархи, а народы. Как только Наполеон был повержен, забыли интересы народов и занимаются только интересами государей, как во времена прежних войн». Главную и непосредственную угрозу национальным стремлениям итальянцев, греков и других пораженных народов Каподистрия видел в политике Австрии²⁹. Царское правительство, исходя из собственных корыстных интересов, нередко противодействовало замыслам венского кабинета³⁰. В жестокой борьбе с Меттернихом на Венском конгрессе Александр I использовал Каподистирию как орудие осуществления своих замыслов. Однако для самого Каподистрии эта борьба имела принципиальный характер.

После бегства Наполеона с Эльбы Каподистрия участвовал во втором походе русской армии во Францию. Расположение к нему Александра I все более увеличивалось. 30 августа (11 сентября) 1815 г царь подписал указ о назначении Каподистрии статс-секретарем по иностранным делам³¹. Ему были поручены заключительные мирные переговоры с Францией. От имени России он подписал Парижский мирный договор от 20 ноября 1815 года. В январе 1816 г Каподистрия вернулся в Петербург. Здесь, в доме на Дворцовой площади его уже ждали апартанты, которые до этого занимал государственный канцлер Н. П. Румянцев³². Покинув столицу четыре года назад в скромной должности сверхштатного секретаря посольства в Вене, Каподистрия вернулся в нее одним из наиболее влиятельных министров русского правительства. Он сделался «любимым статс-секретарем, доверенным советником и, можно сказать, другом императора. Совершенное его бескорыстие в денежных и служебных отношениях, всегдашняя скромность, воздержанность и большая открытость, ловко соединенная с чувством повиновения, с каждым днем укрепляли и увеличивали его влияние на Александра Павловича»³³.

Управление министерством иностранных дел Каподистрия делил с другим статс-секретарем — Нессельроде. Они два раза в неделю являлись к императору с совместным докладом по делам министерства. Старшим статс-секретарем считался Нессельроде. 9 (21) августа 1816 г он был назначен управляющим министерством иностранных дел³⁴. Фактически же до 1821 г неизмеримо больший вес и авторитет в служебных делах имел Каподистрия. Таково единодушное свидетельство всех современников. Так, французский поверенный в делах де Ла-Муцсэ 3 (15) апреля 1816 г писал из Петербурга: «Господин Нессельроде обычно связан с дипломатическим корпусом и ведет официальные беседы, но ничего сегодня не делается без господина Каподистрии, у которого тайком получают частную аудиенцию»³⁵. Чиновник и писатель М. А. Дмитриев, служивший в 1818 г в канцелярии Нессельроде, позднее дал весьма выразительную оценку положения своего шефа в то время: «Я помню, что еще во времена alexandrovых конгрессов гр. Нессельрод считался неспособным и что он шагу не ступал без дядьки — Каподистрии»³⁶. Александр I высоко ценил дипломатические способности Каподистрии³⁷. Во время Венского конгресса он нередко советовался с Каподистирией по существу наиболее сложных политических вопросов и тактики дипломатических переговоров. Кроме того, в глазах царя Каподистрия, не имевший в России ни семьи, ни собственности³⁸ и полностью зависевший от его расположения, должен был служить ему со всей преданностью и старанием.

Однако расположение царя имело по отношению к Каподистрии и важную политическую подоплеку. Для политики царизма начала XIX в. характерна была определенная тенденция приспособиться к новой политической реальности в Европе. В первые годы XIX в. это проявилось, например, в конституционной практике Александра I по отношению к Ионической республике, которая находилась тогда под русским протекторатом³⁹, а в 1813—1815 гг. — во французском и швейцарском вопросах. В последних (более чем в каких-либо других) заметно «понимание» царским правительством необходимости компромиссов и уступок верхушке буржуазии для борьбы с революционным движением. Весьма показательны в этом смысле взгляды Александра I на положение в Швейцарии, высказанные им Каподистрии в 1813 г. перед поездкой в эту страну. По словам царя, «бернская аристократия и, вследствие ее влияния, граждане других кантонов с упорством отказывались сделать какую-либо добровольную уступку времени и общественным успехам швейцарского народа». В результате в Швейцарии преобладающую силу приобрела революционная партия. Александр I заявил тогда, что должна быть признана существующая политическая структура страны (хотя источником ее возникновения и является посредничество Наполеона во внутриполитической борьбе). Во время этой беседы царь старательно подчеркивал

³⁴ «Очерк истории министерства иностранных дел 1802—1902». СПб. 1902, стр. 82.

³⁵ РИО. Т. 112. СПб. 1901, стр. 458.

³⁶ ОР ГБЛ, ф. 231, разд. II, п. 11, д. 10, л. 255. Сам Нессельроде в конце 1820 г., когда положение Каподистрии пошатнулось, признавался в одном из писем к жене, М. Д. Нессельроде: «Если б Каподистрия должен был оставить службу государя, я сам не остался бы ни минуты по простой причине, что не чувствую себя способным, будучи одному, управлять делами» («Граф Каподистрия и граф К. В. Нессельроде 1820—1821». «Русская старина» Т. XLII, 1884, стр. 221).

³⁷ См. Н. К. Шильдер. Император Александр Первый. Т. IV. СПб. 1905, стр. 119.

³⁸ Только за год до отъезда Каподистрии из России царским указом от 10 (22) июня 1821 г. ему была пожалована в аренду сроком на 12 лет мыза Ратно в Волынской губернии с годовым доходом в 8169 руб. (АВГР, ф. Канцелярия, 1821 г., д. 2122-а, ч. 50).

³⁹ См. А. М. Станиславская. Россия и конституция 1803 г. Республики Семь Соединенных островов. «Балканские исследования. Международные отношения на Балканах». М. 1974.

²⁷ «Mémoires de la comtesse Edling (née Stourdza)». Moscou 1888, p. 146.

²⁸ А. А. Васильчиков. Семейство Разумовских. Т. IV, ч. 2. СПб. 1887, стр. 527. По словам Р. Стурдзы, Каподистрия был определен при Разумовском «как советник, или, скорее, как олекул» («Mémoires de la comtesse Edling», pp. 174—175).

²⁹ A. Fournier. Die Geheimpolizei auf dem Wiener Kongress. Wien Leipzig 1913, S. 175, 381, см. также ВГП. Т. VIII. М. 1972, стр. 365—368.

³⁰ Подробнее см. Л. А. Зак. Монархи против народов. Дипломатическая борьба на развалинах наполеоновской империи. М. 1966.

³¹ «Послужной список тайного советника графа Каподистрии», л. 6.

³² А. С. Стурдза. Указ соч., стр. 72.

³³ А. А. Васильчиков. Указ соч., стр. 570.

свою «идейную близость» с Каподистрией. «Ваши правила и чувства мне известны. Вы любите республики, я также их люблю»⁴⁰, — лицемерно заявлял российский самодержец. Александр I нередко прикрывал «либеральной» фразеологией вполне определенные политические цели — в данном случае свое намерение подорвать влияние Наполеона в Швейцарии и помешать попыткам Австрии воздействовать на это государство. Важно, что в то время Александр I видел в Каподистрии «полномочного представителя духа времени», взгляды которого могут быть полезны при проведении политики контактов с новыми политическими силами Европы.

Чтобы понять положение Каподистрии в царском правительстве и ту роль, которую он играл в греческих делах, необходимо хотя бы кратко коснуться его мировоззрения. Политическая карьера Каподистрии началась в Ионической республике, которую сотрясала острая борьба между аристократией и буржуазией, опиравшейся на поддержку народных масс. Принадлежавший по своему происхождению к аристократическому лагерю, Каподистрия выступал за определенные уступки «третьему сословию» и предоставление его верхушке политических прав. Этот дух компромисса был характерен и для последующей деятельности Каподистрии. Формирование его мировоззрения происходило во многом под воздействием философии Просвещения. Еще в годы занятий в университетах Италии он познакомился с учениями некоторых видных представителей этой философии, в том числе Локка⁴¹. Интерес к ней он сохранил и в последующее время. Среди любимых его книг в период пребывания в России были «Опыты» французского философа XVI в. М. Монтеня и «Дух законов» Ш. Л. Монтескье⁴². Некоторые современники называли его «более философом, чем государственным деятелем»⁴³.

От европейских просветителей XVII—XVIII вв. Каподистрия воспринял глубокую веру в силу разума, убежденность в важности образования и нравственного воспитания людей как обязательной предпосылки общественных преобразований. Несомненно, что и проникнутая духом компромисса политическая теория Монтескье оказала большое влияние на складывание убеждений Каподистрии. Как и многие европейские аристократы того времени, он был напуган социальными и политическими потрясениями в Европе конца XVIII — начала XIX века. Однако он отдавал себе отчет в необратимости тех изменений, которые принесла Французская буржуазная революция, и считал, что новые взрывы подобного рода можно предотвратить (или, во всяком случае, отдалить) посредством политики, сочетающей «законные интересы монархов» с правами народов.

В 1820 г., когда революционная волна снова поднималась в Европе, Каподистрия писал в частном письме премьер-министру Франции герцогу А. Э. Ришелье: «Везде, где правительство поставило себя в изоляцию нелепым и произвольным правлением, мятежники победили, и они отражены всюду, где мудрые учреждения противопоставили их обольщения непобедимую силу законов, которые обеспечивают, вместе с существованием сильной и необходимой власти, законные права и интересы народов»⁴⁴. Таким «мудрым учреждением» Каподистрия считал конституционную монархию, обеспечивающую господство аристократического

меньшинства за счет определенных уступок крупной буржуазии. Ближе всего к политическим идеалам Каподистрии в современной ему Европе, по-видимому, была английская конституционная монархия. Вслед за Монтескье он сильно идеализировал ее политическую систему; английский парламент был для него «трибуной Европы», а члены его — «органами общественного мнения»⁴⁵. С симпатией Каподистрия относился и к монархии Людовика XVIII, также являвшейся формой компромисса между дворянством и крупной буржуазией⁴⁶.

Хотя в целом взгляды Каподистрии можно охарактеризовать как конституционно-монархические, он признавал закономерность существования уже сложившихся республиканских форм. Это проявилось, в частности, в его подходе к швейцарским и ионическим делам. Терпимость к создавшимся политическим реальностям Каподистрия считал важным условием сохранения возникшей в Европе после крушения Наполеона политической системы. На Балканах же, по его мнению, были необходимы преобразования, которые привели бы к национальному освобождению их народов. Отрицая действенность революционных методов для достижения этой цели, Каподистрия возлагал основные надежды на новую войну России с Портой⁴⁷. Эта весьма умеренная и непоследовательная программа являлась все же определенной альтернативой политике оголтелой феодально-абсолютистской реакции, гласатаем которой был Меттерних. Особую подозрительность австрийского канцлера вызывала поддержка Каподистрией национальных устремлений своей пораженной родины — Греции. Поэтому рост влияния Каподистрии вызывал большую тревогу у Меттерниха. Он всеми способами пытался помешать Каподистрии стать министром Александра I⁴⁸, когда же это ему не удалось, всячески старался подорвать положение своего противника.

Долгое время интриги эти оставались безрезультатными. В памяти царя были еще свежие воспоминания о той дипломатической борьбе, которую пришлось ему вести на Венском конгрессе против австрийского канцлера по территориальным и иным вопросам. Кроме того, либерально-монархические взгляды Каподистрии в какой-то мере импонировали тогда Александру I. В политике этого самодержца иногда проявлялись стремления путем реформ и преобразований приспособить царизм к новым общественно-политическим условиям в Европе. Пребывание Александра I за границей в 1813—1815 гг. оживило эти стремления, что не могло не оказать влияния на карьеру Каподистрии. Это понимал и сам Каподистрия. 10 (22) октября 1817 г. он писал графине Эдлинг: «Государь желает иметь меня при своей особе. Зачем? Затем, чтобы пользоваться мною как орудием в деле великих реформ в своей империи»⁴⁹. Как справедливо заметил акад. Е. В. Тарле, Каподистрия «был исполнителем тех предначертаний Александра, которые являлись исчезаю-

⁴⁵ РИО. Т. 112, стр. 730.

⁴⁶ По свидетельству Нессельроде, Каподистрия с большим одобрением встретил вышедшую в 1820 г. книгу Ф. Гизо «О правительстве во Франции после Реставрации и о современном министерстве», где французский историк ратовал за «компромисс между дворянством и буржуазией в рамках существующего режима» («Граф Каподистрия и граф К. В. Нессельроде...», стр. 221).

⁴⁷ См. Г. Л. Арш. Балканские горизонты и проекты И. Каподистрии..., стр. 8—9.

⁴⁸ Любопытный эпизод в этой связи рассказывает сам Каподистрия. Когда стало известно о назначении его статс-секретарем, Меттерних неожиданно проявил «заботу» о здоровье Каподистрии. Его доверенный человек, некий Флоре, уверял Каподистрию, что петербургский климат и напряженная работа на его новом ответственном посту быстро сведут его в могилу. Флоре от имени своего патрона обещал Каподистрию, если тот пожелает, доставить ему гораздо более приятное и спокойное место русского посланника в Вене. «Мой ответ», — пишет Каподистрия, — был так ясен и так определен, что г. Флоре не повторил мне более этого странного предложения» («Записка графа Иоанна Каподистрии...», стр. 205; см. также А. С. Стурдза. Указ. соч., стр. 67—68).

⁴⁹ А. Ф. Шидловский. Переписка графа И. А. Каподистрии. «Вестник всемирной истории», 1900, № 3, стр. 215—216.

⁴⁰ «Записка графа Иоанна Каподистрии...», стр. 178—180. Много новых документов о швейцарской и французской политике правительства Александра I, в которой Каподистрия принадлежала активной роль, опубликовано в ВПР (сер. I, тт. VII—VIII).

⁴¹ А. С. Стурдза. Указ. соч., стр. 10.

⁴² ОР ГПБ, ф. 250, л. 105, л. 5.

⁴³ P. Kennedy Grimsted. Capodistrias and a «New Order» for Restoration The «Liberal Ideas» of a Russian Foreign Minister, 1814—1822. «Journal of Modern History», Vol. 40, № 2 (1968), p. 171.

⁴⁴ РИО. Т. 54. СПб. 1886, стр. 548.

щими отголосками неопределенного «либерализма» царя»⁵⁰. Административная компетенция статс-секретаря Каподистрии охватывала не только внешние сношения, но и некоторые важные отрасли внутреннего управления. В его ведении находилось, в частности, управление Бессарабией, имевшей после присоединения к России в 1812 г. особый статус. Каподистрия был советником царя и по польским делам. Конституционная практика Александра I в Царстве Польском в 1817—1818 гг. вызвала большие надежды и у некоторой части русского общества. Однако надежды эти оказались беспочвенными. Внутренняя политика Александра I становилась все более реакционной. Решающее влияние в управлении страной приобрел А. А. Аракчеев. Все передовое в общественной мысли и культуре подвергалось гонению.

Наступление реакции внутри страны, разумеется, не могло не влиять и на внешнюю политику России. Цели Священного союза—подавление революции и борьба со свободомыслием в любой форме—все более довели над внешнеполитическими акциями царизма. Вместе с тем доверием главы Священного союза продолжал пользоваться министр, настроенный против подавления феодально-монархической реакцией конституционных прав и национальных устремлений народов. Парадоксальность этого положения не укрывалась от внимательных наблюдателей. Характерно высказывание о Каподистрии, принадлежащее весьма радикально настроенному в то время поэту П. А. Вяземскому. 13 (25) сентября 1819 г. он писал из Варшавы А. И. Тургеневу: «Здесь Каподистрия и ожидает государя. Я говорил с ним два часа с глазу на глаз, то есть слушал; он говорит как книга, только не Стурдзова⁵¹, а напротив. Везде нашел в нем здравое мнение о мнимой болезни европейской и в особенности германской. Таков беспристрастный образ мыслей в человеке, qui n'est pas payé pour cela (au pied de la lettre)⁵², сделал на меня приятнейшее впечатление... Хорошо и то, что такой человек при государе и может мимоходом заронить какое-нибудь теплое чувство в ледник Зимнего дворца»⁵³. Разумеется, несмотря на свои близкие отношения с царем, Каподистрия не мог повлиять на общее направление правительственной политики. Но в мрачный период аракчеевщины, когда даже для министров и видных сановников доступ к царю был затруднен, особое доверие и уважение, которым продолжал он пользоваться у Александра I, имело определенное положительное значение.

В России Каподистрия снискал себе репутацию умного и просвещенного вельможи, покровителя наук и искусств. 17 (29) июня 1818 г. Петербургская Академия наук избрала его своим почетным членом как человека, имеющего желание и возможности «оказывать важные услуги наукам вообще и Академии в частности»⁵⁴. Действительно, Каподистрия не раз добивался субсидий для ученых, содействовал изданию их трудов. Так, по просьбе детей известного историка Н. Н. Бантыш-Каменского, Каподистрия после долгих хлопот получил согласие царя на издание за счет казны собранных их отцом дипломатических документов⁵⁵.

⁵⁰ «История дипломатии». Т. I. М. 1941, стр. 387; см. также В. Г. Сироткина. Борьба в лагере консервативного русского дворянства по вопросам внешней политики после войны 1812 года и отставка Каподистрии в 1822 г. «Проблемы международных отношений и освободительных движений». М. 1975.

⁵¹ Имеется в виду известная записка А. С. Стурдзы «О современном положении Германии», представленная в 1818 г. Александру I. В ней автор ополчался на университеты и печать как «источник свободомыслия». Записка эта, получившая огласку, вызвала возмущение прогрессивных кругов Германии и России.

⁵² «Которому не за это платят (в прямом смысле слова)» (франц.).

⁵³ «Остафьевский архив князей Вяземских». Т. I. СПб. 1899, стр. 309.

⁵⁴ Архив Академии наук СССР (Ленинградское отделение), ф. 1, оп. 1-а, д. 28.

⁵⁵ № 214; «Академия наук СССР. Персональный состав». Кн. I. М. 1974, стр. 208.

⁵⁶ Институт русской литературы АН СССР. Отдел рукописей, ф. 339, д. I, лл. 32

Большим уважением Каподистрия пользовался и в литературных кругах. Он состоял почетным членом литературно-общественного кружка «Арзамас»⁵⁶. В. А. Жуковский, близко знавший Каподистрию, считал, что «он обладает обширной ученостью, замечательно разнообразною»⁵⁷. Н. М. Карамзин называл Каподистрию «умнейшим человеком нынешнего двора». «Люблю его искренне,— писал он,—еще более за душу, нежели за ум»⁵⁸. Каподистрию связывала со знаменитым историком и писателем тесная дружба: он бывал в доме Карамзиных, поддерживал с ними постоянную переписку. Каподистрия находился также в дружеских отношениях с поэтом И. И. Дмитриевым⁵⁹. В числе его близких знакомых был и А. И. Тургенев, директор департамента иностранных исповеданий министерства народного просвещения и култов и «поверенный в делах русской литературы»⁶⁰. Именно через Каподистрию Тургенев хлопотал за поэта К. Н. Батюшкова, который мечтал о поездке в Италию, но все его усилия в этом направлении оказывались безрезультатными. Видя, что К. Н. Батюшков находится в тяжелом душевном состоянии, А. И. Тургенев решил обратиться к Каподистрии. Тот принял его просьбу «как человек, готовый на все доброе и полезное добрым»⁶¹. Благодаря вмешательству Каподистрии К. Н. Батюшков был принят на дипломатическую службу и определен при русской миссии в Неаполе.

Особого внимания заслуживает участие Каподистрии в судьбе А. С. Пушкина. Как известно, весной 1820 г. за вольнолюбивые стихи, распространившиеся по всей России, царь собирался сослать А. С. Пушкина в Сибирь или на Соловецкие острова. П. Я. Чаадаев поспешил к Н. М. Карамзину с просьбой похлопотать за поэта перед императрицей Марией Федоровной и графом Каподистрией. Н. М. Карамзин эту просьбу выполнил⁶². Грозившая поэту ссылка была заменена высылкой на юг России, оформленной как перевод в Екатеринослав в канцелярию главного попечителя иностранных колонистов Южной России генерал-лейтенанта И. Н. Инзова⁶³. Есть основания предполагать, что инициатива принадлежала здесь Каподистрии. В те же самые дни, когда в правительственных верхах решалась судьба А. С. Пушкина, готовилось назначение И. Н. Инзова наместником Бессарабии. Управление же Бессарабией, как уже указывалось выше, находилось в ведении Каподистрии как статс-секретаря. Будущий бессарабский наместник, под крылышком которого А. С. Пушкин в дальнейшем провел три года, был старым знакомым Каподистрии (в период Отечественной войны 1812 г., когда он заведовал дипломатической канцелярией армии А. В. Чичагова, Инзоз командовал в ней дивизией).

Встречающиеся в литературе сведения об участии, которое принял Каподистрия в судьбе опального поэта⁶⁴, находят подтверждение в записке Каподистрии директору хозяйственного департамента министерства иностранных дел В. А. Поленову: «Император приказал вчера, чтобы коллегия (иностранных дел.— Г. А.) выдала г-ну Пушкину, переводчику,

⁵⁶ См. «Арзамас и арзамасские протоколы». Л. 1933, стр. 36.

⁵⁷ «Сочинения Жуковского». Т. I. М. 1902, стр. 368.

⁵⁸ Я. Грот, П. Пекарский. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб. 1866, стр. 195, 309.

⁵⁹ А. Стурдза. Воспоминания мои о Н. М. Карамзине. Одесса. 1847, стр. 4—5.

⁶⁰ См. биографический очерк о нем в книге: «Письма Александра Тургенева Булаковым». М. 1939.

⁶¹ «Остафьевский архив князей Вяземских». Т. I, стр. 109—110.

⁶² М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. I. М. 1951, стр. 212.

⁶³ После окончания Парского селского лицея с июня 1817 г. А. С. Пушкин числился на службе в министерстве иностранных дел.

⁶⁴ См. Е. Ковалевский. Граф Блудов и его время. СПб. 1866, стр. 134; М. А. Цявловский. Указ. соч., стр. 230.

главил А. Ипсиланти⁷⁴. Хотя Каподистрия считал это выступление преждевременным, объективно он, несомненно, содействовал его подготовке.

Пребывание Каподистрии на русской службе оказало большое влияние на политическое сознание греческого общества предреволюционной поры. Дело было не только в том, что он как статс-секретарь по иностранным делам России имел большие возможности для отстаивания греческих интересов, но и в том впечатлении, которое само пребывание патристически настроенного грека на высшем дипломатическом посту в России произвело на греческое общество. Никогда не исчезавшие у греков надежды на помощь России в деле национального освобождения оживились, укрепилось убеждение в тождестве русских и греческих интересов. Только позиция, занятая царским правительством в начале греческой революции 1821—1829 гг., рассеяла эти иллюзии. Позиция эта определила и конец карьеры Каподистрии в России.

Когда подготовленное этеристами восстание переросло в общенациональную освободительную революцию, Каподистрия встал на ее сторону. Он приложил большие усилия для того, чтобы побудить Александра I предпринять военную акцию в поддержку Греции. Каподистрия действовал в данном случае и как рупор «военной партии», существовавшей в правящих кругах России. За военную помощь Греции выступали широкими кругами русского общества. Однако царь, руководствуясь прежде всего интересами наиболее реакционной группировки правящего класса, отказался от решительных действий на Балканах⁷⁵. Ставшее очевидным глубокое расхождение между политикой Александра I и национально-освободительными устремлениями греческого народа привело к фактической отставке Каподистрии. Получив бессрочный отпуск «для поправления здоровья», И. Каподистрия 8(20) августа 1822 г. покинул Петербург⁷⁶. Опальный министр прожил затем четыре года в Швейцарии, сохраняя свою должность и жалованье, но не принимая никакого участия в государственных делах России. В этот период он с большим искусством и энергией содействовал развитию филэллинского движения в Европе. Из Женевы он внимательно следил за всеми перипетиями драматической борьбы, которая развертывалась в Греции.

Но и руководители греческих повстанцев не упускали из виду Каподистрию, который приобрел авторитет греческого деятеля общенационального масштаба. 3(15) апреля 1827 г., в один из самых критических моментов греческой революции, Национальное собрание в Тризине избрало его президентом (правителем) Греции сроком на семь лет. В постановлении собрания выбор этот мотивировался тем, что «во главе греческого государства должен стоять грек, знающий политическую теорию и практику, для того, чтобы управлять им в соответствии со стремлениями гражданского общества»⁷⁷. Известие о своем избрании Каподистрия погасил в Петербурге, куда он вернулся 12(24) мая 1827 г. для того, чтобы обсудить с Николаем I греческие дела и свое собственное служебное положение. Царь формально, по просьбе самого Каподистрии, уволил его с русской службы, и 16(28) июля 1827 г. тот покинул Петербург⁷⁸, на сей раз навсегда. Объехав европейские столицы, где он добивался политической и финансовой помощи для Греции, Каподистрия 7(19) января 1828 г. прибыл в Навплион — тогдашнюю столицу Греческого государ-

ства. Начался новый этап политической биографии этого государственного деятеля⁷⁹.

В области внутренней политики Каподистрия стремился к созданию в Греции слоя мелких земельных собственников, централизации государственного управления, упорядочению государственной и судебной системы. Большие старания прилагались им для распространения просвещения в стране. В сфере внешней политики главные его усилия были направлены на укрепление независимости Греции, на расширение ее границ за счет областей с греческим населением, оставшихся еще под властью Порты. В целом мероприятия Каподистрии объективно отвечали потребностям буржуазного развития Греции. В то же время он, несомненно, был далек от демократических идеалов греческой революции: фактически он ликвидировал созданные в ее ходе представительные учреждения, считая греческий народ неподготовленным к конституционной форме правления. Эти действия вызывали протест у демократических кругов.

Однако в возникшей оппозиции руководящая роль принадлежала профессиональным политикам и феодально-партикулярным элементам, для которых конституционалистские лозунги служили лишь прикрытием в борьбе за власть. Оппозицию поощряли и поддерживали западные державы, недовольные независимым внешнеполитическим курсом Каподистрии. В начале 1831 г. в ряде районов Греции вспыхнули мятежи, а 27 сентября (9 октября) того же года Каподистрия был убит в Навплионе. Убийство совершили Константин и Георгий Мавромихалисы, принадлежавшие к видной феодальной семье Пелопоннеса, привилегиям которой угрожала централизаторская политика президента. Но многие современники считали, что за спиной убийц стояли гораздо более могущественные силы⁸⁰.

После смерти Каподистрии в Греции вспыхнула гражданская война. Брат Иоанна Августин, ставший его преемником, смог продержаться у власти лишь шесть месяцев. В апреле 1832 г. он бежал на Корфу, увезя с собой тело убитого брата. На родине Иоанн Каподистрия был погребен вторично. Только в 1864 г. территория, где находится его могила, стала частью Греции. На Корфу, на монастырском кладбище, где похоронены члены семьи Каподистрии, имеется надгробие с надписью: «И. А. Каподистриас. Правитель Греции».

⁷⁹ Периоду правления Каподистрии уделяется большое внимание в общих трудах по истории новой Греции и греческой революции 1821—1829 гг., в его биографиях. См. также: Г. Палеолог, М. Сивянис. Исторический очерк народной войны за независимость Греции. СПб. 1867; A. Despotopoulou. O Kivnritis Kapodistrias kai i epieleutherosis tis Ellados. Athina. 1954; D. Fleming. John Kapodistrias and the Conference of London. 1828—1831. Thessaloniki. 1970, P. Petridi. Op. cit.

⁸⁰ См. «Записка об убийстве Каподистрии, составленная Н. А. Райком». «Русский архив», 1869, стр. 898—910.

⁷⁴ Подробнее о взаимоотношениях И. Каподистрии с «Филики Этерией» см. Г. Л. Арш. Этеристское движение в России, стр. 181—188, 230—236, 251—254.

⁷⁵ И. С. Достян. Россия и балканский вопрос, стр. 212—221.

⁷⁶ «Из писем Константина Яковлевича Булгакова к брату его Александру Яковлевичу». «Русский архив», 1903, № 3, стр. 298.

⁷⁷ G. Kordatou. I storia tis neoteris Elladas. T. 2. Athina. 1957, s. 540.

⁷⁸ L. Oeconomo. Essais sur la vie du comte Capodistrias depuis son départ de Russie en août 1822 jusqu'à son arrivée en Grèce en janvier 1828. Toulouse. 1926, p. 47.